

⁶² Greg. III., 114.15 – 114.23: Καὶ τὰ μὲν ἐκ Ῥωσίας γράμματα. τοῦτον ἔσχε τὸν τρόπον, καὶ οὕτω τοὺς κακοσχόλους τούτους ἐξήλεγε μὲν, οὐκ ἐμάλαξε δέ. τεθαύμακα δ' ἔγωγε πῶς τᾶλλα γε ἀμαθεῖς ὑπάρχοντες οὗτοι τοῦτο φρονίμος οἰκονομοῦσι, πρὶν ἔκπτυστον φθῆναι γενέσθαι, πάσαις ἀπειλαῖς αὐθεντικαῖς συστέλλοντες καὶ φόβοις, καὶ τάφῳ φάναι σιγῆς ἐν βραχεῖ συγχωνύνντε.

⁶³ Тихомиров М.Н. Россия и Византия... С. 33. Впервые проблему поставил А.А. Васильев. См.: Васильев А.А. Падение Византии. Л., 1925. С. 57–58.

О.В. Семенов

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ И РОЛИ ПРАВЕДЧИКОВ В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XV – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVI В.)

Создание Русского централизованного государства подразумевало не только объединение земель вокруг Москвы, но и качественные перемены в различных сферах общественной жизни. В области политической происходил медленный и крайне болезненный процесс ломки связанных с эпохой территориальной раздробленности институтов власти и формирование иного аппарата управления.

Основным звеном местного управления на территории России во второй половине XV–первой половине XVI в. являлись великокняжеские наместники и волостели¹. Они сыграли поистине выдающуюся роль в укреплении позиций Москвы, сменив на только что присоединенных к ней территориях удельную систему власти. Однако, по единодушному признанию исследователей, даже в таком виде местное управление «не в меньшей, а, пожалуй, даже в большей степени, чем центральное, сохранило черты старых порядков»². Слишком широкие и недостаточно определенные полномочия нового административного аппарата, его откровенно пренебрежительное отношение к возложенным функциям, выполнение которых являлось, к тому же, необязательным (на должность кормленщика служилые люди смотрели, в первую очередь, как на награду за прежнюю военную или придворную службу, позволяющую поправить материальное положение), очень скоро стали серьезным препятствием на пути дальнейшей государственной централизации³. Это подтолкнуло правительство пойти на меры, призванные ограничить власть кормленщиков и усилить контроль над ними.

В отечественной историографии уделялось довольно большое

внимание системе управления России в XV–XVI вв. Детально разработана проблема зарождения и функционирования приказов, показаны процесс развития и становления бюрократии, постепенное изменение роли Боярской думы и оформление предпосылок сословно–представительной монархии⁴. Намного хуже дело обстоит с системой местного управления, о слабой изученности которой историки говорили еще несколько десятилетий назад⁵. Даже при наличии фундаментальных работ Н.Е. Носова, А.А. Зимина, С.М. Каштанова, Б.Н. Флори и некоторых других ученых возникает немало вопросов, связанных с функциями наместников и волостелей, их обеспечением. Слабо рассмотрен аппарат, с помощью которого в городах и волостях кормленщики осуществляли свое управление. Не полностью исследованы также мероприятия правительства по усилению своего влияния на местах.

Первые попытки поставить под более пристальный контроль местное управление были предприняты Москвой уже в XIV столетии. Именно тогда населению стали выдаваться уставные жалованные грамоты. В них фиксировались функции наместника, налагаемые на него запреты, размеры кормов и пошлин. При этом общинам предоставлялось право непосредственного обращения в суд великого князя в случае возможных злоупотреблений местной администрации. К концу XV в. уставные жалованные грамоты получили широкое распространение, на что указывает 38–я статья Судебника 1497 г. Она предписывает тиунам и доводчикам «имати» судебные пошлины «по грамотам», и лишь в случае отсутствия последних устанавливает их фиксированный размер – «противень вполы исцева»⁶.

Довольно опрометчивым выглядит утверждение некоторых историков о том, будто до вступления Ивана III на престол никаких других ограничений в отношении кормленщиков не существовало⁷. Источники рисуют совершенно иную картину: в жалованных кормленых грамотах, выданных И.Г. Протасьеву и его сыну Конону на волость Лузу (от 28 августа 1425 г.) и мешерские городки Елатьму и Кадом (от 20 апреля 1426 г.), предписывается «доход имать по наказному списку»⁸. Таким образом, доходные списки, фиксировавшие кормы наместников и волостелей, достоверно имелись уже в первой трети XV в.

При Иване III наступление государственной власти на кормленщиков велось с большей настойчивостью. Так, некоторые вопросы косвенного обложения и городовое дело перешли в руки городских

приказчиков; для решения поземельных споров на места стали присылаться специальные судьи и писцы⁹; действия великокняжеских приставов (недельщиков) заметно сузили судебные prerogatives наместников и волостелей, а возникшие в ходе реформ конца 1530–х гг. губные органы изъяли в свою пользу дела о «ведомых» разбойниках и татях. Еще А.Д. Градовский вполне справедливо отметил, что «централизация московского управления нигде не выразилась так рано и полно, как в судебном ведомстве. Без преувеличения можно сказать, что преобразования в судоустройстве имели большое влияние на централизацию других частей правления»¹⁰. Действительно, Судебник 1497 г. ввел единый порядок суда и на уровне общегосударственном закрепил основные положения уставных жалованных грамот населению: статья 38–я предусматривала обязательное присутствие в суде кормленщика «с боярским судом» представителей населения¹¹. «Судные мужи» обязаны были не просто контролировать деятельность наместников и волостелей, но и оказывали им всяческое содействие в борьбе с «лихими» людьми. Сама по себе попытка привлечь старост и «лучших людей» в качестве низшего звена государственного аппарата свидетельствовала о том, что Москва не могла не считаться с силой и значением «мира»¹². Так закладывались предпосылки будущих губной и земской реформ.

Еще одним ограничением системы кормлений являлось постепенное расширение процедуры доклада¹³. Великокняжеский Судебник выделяет кормленщиков с «боярским судом» и без него. Первые имели право самостоятельного решения по ряду важнейших дел (выдача отпускных, беглых и правых грамот на холопа, вынесение приговора в отношении татей, душегубцев и прочих «лихих людей»), тогда как вторые были этого лишены. Между тем Судебник 1550 г. фактически ликвидировал различия между двумя категориями кормлений. Иными словами, высший суд окончательно сосредоточился в руках центральных органов государства.

Картина местного управления России во второй половине XV–первой половине XVI в. будет далеко не полной без рассмотрения фактически не изученной фигуры праведчика. Ее анализ позволяет не только глубже понять централизаторские мероприятия правительства, но и проливает дополнительный свет на аппарат кормленщика.

Несмотря на то, что источники указывают на праведчика как на одну из важнейших фигур в системе местного управления, исследователи не уделяли ему необходимого внимания. Долгое время этих

должностных лиц чаще всего рассматривали в качестве людей кормленщика, исполнителей судебных решений, взыскивавших посредством «правежа» иск и пошлины с проигравшей стороны (отсюда объясняли происхождение самого термина «праведчик» – от слова править, то есть взыскивать)¹⁴. Только Б.Н. Флоря усомнился в справедливости сложившегося стереотипа и выдвинул интересное предположение о том, что среди праведчиков следует различать как агентов наместника, так и должностных лиц, присылаемых на места центральной властью. Кроме того, историк попытался пересмотреть традиционно приписываемые им функции¹⁵. Действительно, разбор актового материала позволяет совершенно по-новому взглянуть на праведчика.

Источники отчетливо выделяют среди праведчиков агентов центральной власти. В ряде жалованных великокняжеских (уставных, тарханских и несудимых) грамот встречаются стереотипные выражения: «а доводчики у них (людей имуниста. – *О.С.*) и *мои*» (великого князя. – *О.С.*) праведчики поборов не берут»¹⁶, или: «а праведчики *великого князя*... не въезжают к ним нипочто и поборов своих у них не емлют»¹⁷. Подобно другим должностным лицам правительства (недельщикам, сыщикам), они действовали на местах и осуществляли контроль за наместниками и волостелями.

В то же время некоторые документы свидетельствуют о наличии праведчиков внутри аппарата кормленщика. Следует отметить, что от первой половины XVI в. до нас дошло не менее 30 пожалованных «с правдой» великокняжеских кормленых грамот¹⁸. Так, в 1505–1515 гг. М. Вышеславцев получил волость Сяма Вологодского уезда «с правдою» в кормление¹⁹. Примерно тогда же дьяк Е. Цыплатев, подписывая грамоту С.Д. Аминеву на Жилин, счел необходимым отметить, что она дана «без правды»²⁰. По убедительному предположению Б.Н. Флори, кормление «с правдой» давало наместнику право назначать праведчика из числа своих людей. Не случайно Боярская книга 1556 г. предоставляла служилым людям в кормление «правду» как раз в тех местностях (Вологде, Костроме), где известны праведчики из детей боярских²¹. Подобно тиунам и доводчикам, эти должностные лица находились в личной зависимости от кормленщика, существенно расширяя его функции и степень самостоятельности.

* Здесь и далее выделено автором (*Ред.*).

Вряд ли удастся с исчерпывающей точностью установить время возникновения праведчиков. Между тем, предположение Б.Н. Флори, будто это произошло лишь в первой половине XV в., вызывает определенные возражения. Вполне вероятно, что праведчики упоминаются уже в жалованной уставной грамоте Двинской земле (1397 г.). Указывая размеры «хоженого», «езды и позовы», она делает интересное добавление: «а на правду вдвое»²². Доказательством тому, что значение «правды» употребляется здесь не в качестве функции пристава, а подразумевает другое должностное лицо, являются аналогичные выражения более поздних уставных грамот, когда праведчики существовали вне всякого сомнения.

Куда сложнее обстоит дело с определением функций праведчика. Жалованные тарханные и несудимые грамоты о них ничего не говорят. Однако уже то, что праведчик поставлен ими рядом с таким важным должностным исполнителем, как доводчик, косвенно свидетельствует о немалом значении этого административного лица. Ситуацию проясняют правые грамоты, судные списки, а также Судебники 1497 и 1550 гг. Они напрочь отвергают устоявшееся представление о праведнике как исполнителе судебных решений. В действительности эта функция входила в компетенцию великокняжеских приставов и доводчиков. Так, в 1503 г. судья боярин С.Б. Морозов велел недельщику Гриде Светикову доправить на проигравшей стороне, ответчике Михалке Жуке, в пользу истца старца Александра иск в размере 5 рублей²³. Великокняжеская грамота (1425 г.), рассматривая возможность сместного суда медушских волостей и митрополичьих кормленщиков, предписывала «исцево доправляти того пристава, чей будет виноват»²⁴. В функции собственно праведчика входил вызов свидетелей в суд. К примеру, в конце XV в. между старцами Покровского монастыря и местными крестьянами разгорелся нешуточный спор в отношении земли близ села Сваткова Верхдубенского стана Переяславского уезда. В ходе судебного разбирательства судья Б. Скрипицын посылал праведчика «по знахарей» (за свидетелями), на которых сослались тяжущиеся стороны²⁵. На связь праведчиков со свидетелями имеется и прямое указание Судебника 1497 г. Статья 50-я, предусматривая ответственность свидетеля за неявку на вызов судьи, лаконично предостерегает: «а с праведником о сроце тому послуху суд»²⁶. Даже само слово «правда» очень часто употреблялось в значении «свидетель». Так, в случае сместного суда должностные лица Тверского Отроча мо-

настыря и наместника «на правду (за свидетелями. – *О.С.*) ездят обои»²⁷.

Доставка свидетелей являлась важной и ответственной задачей, поскольку их показания нередко предreshали исход судебного разбирательства. Документальные источники изобилуют подобными примерами. В 1505/1506 г. духовенство Чудова монастыря в поземельном споре с крестьянами одержало победу только потому, что местные «старожилцы Яков Губин да Иван Зоб землю и пожню сказали Чюдовского монастыря Попловские деревни из старины, а не их деревни Зубцевские, да их же старожилец Михаль Кузнец сказал: земли Зубцевские деревни не знает, ни меж не ведает... да и потому, что своего ж старожилца Сухова Василева сына Никонова сказали перед судьей поставить не мочно»²⁸.

В то же время имелись случаи, когда вызов и доставка свидетелей в суд возлагалась не на праведчиков. В этом нет ничего удивительного, поскольку система управления допетровской Руси вообще отличалась путаницей и откровенным дублированием функций между различными учреждениями и должностными лицами, нечетким разграничением их компетенций²⁹. Порою сами тяжущиеся стороны приводили с собой послухов. Но, как правило, происходило это только до начала судебного разбирательства: осознавая неизбежность обращения к свидетелям, истец и ответчик (видимо, с целью экономии времени) приезжали на суд вместе с ними³⁰. Разумеется, что в подобных случаях услуг праведчика не требовалось.

В некоторых случаях доставку в суд свидетелей осуществляли приставы великого князя. Так, в 1490 г. произошел поземельный спор между Симоновым монастырем и черносозными крестьянами Дмитровского уезда. Разбиравший его столичный судья князь И.Ю. Патрикеев послал за послухами недельщика Якуша Рязанова³¹. В статье 18-й Судебника 1550 г. обнаруживается непосредственная связь между великокняжеским приставом и свидетелем: «А послух перед судьей не придет, есть ли за ним речи, нет ли, ино на том послухе исцово, избытки и все пошлыны взяти; а с недельщиком и с и праведником о сроце тому послуху суд»³². Не исключено, что недельщик осуществлял доставку свидетелей главным образом в центральный суд. Если же судебное разбирательство происходило на местном уровне, то эта функция чаще всего (хотя и не обязательно) возлагалась на праведчика. Не случайно, комментируя указанную выше статью Судебника, Б.А. Романов признал, что в ней

одновременно идет речь как о суде местном (где действовал праведчик), так и великокняжеском (лицом которого являлся недельщик)³³.

Иногда праведчики привлекались к обязанностям, входившим в компетенцию доводчиков. Так, весной 1547 г. переславский наместник князь И.В. Пожарский разбирает дело по обвинению кабальных холопов А. Новикова и К. Андреева в татьбе и бегстве. В ходе следствия тяжущиеся стороны сослались на лиц, проживавших во Владимире. Вот почему «праведчикову человеку Васке» было велено «обоих исцов, ответчика Онисимка и ищею Митьку... *на поруку дати*» и лишь после этого «на правду (за свидетелями. – *О.С.*) ехати в Володимир»³⁴.

К сожалению, источники ничего не говорят о других функциях праведчиков. Предположение ряда исследователей (Б.Н. Флори, Т.И. Пашковой) о том, что их также привлекали к расследованию обстоятельств дела, нуждается в дополнительных доказательствах³⁵. Не прослеживается и выполнение праведчиками обязанностей по задержанию и доставке преступника в суд, что было бы вполне логично, если бы они проводили следствие³⁶. В то же время данная гипотеза имеет право на существование, поскольку, по мнению Л.В. Черепнина, термин «правда» иногда употреблялся именно в таком значении³⁷. Более того, о каких-то действиях праведчика, предваряющих волостельский суд, идет речь в жалованной грамоте (от 21 сентября 1526 г.) С.А. Волжину на правду в волости Корега Костромского уезда: «Где себе Семен в той волости найдет каково дело, и он те дела ставит перед нашими волостели или перед их тиунь, а наши волостели и тиуны в те дела у него не вступаютца»³⁸. Однако на сегодняшний день достоверно известно лишь то, что расследование поручалось недельщикам и доводчикам. Так, в 1555 г. недельщик П. Лизунов ездил по землям Новгородского уезда с приставами записями, осуществлял обыск и давал обвиняемых или привлекаемых к суду на поруки³⁹. Право расследования преступления с помощью пытки закреплено за приставом и в некоторых статьях Судебника 1497 г.⁴⁰

Из источников далеко не всегда можно понять, о каких праведчиках идет в каждом конкретном случае речь – о людях кормленщика или агентах центра, присланных на места⁴¹. Между тем, это обстоятельство немаловажно для более детального понимания централизаторской политики Москвы в области местного управления. Так или иначе, но и для тех, и для других праведчиков харак-

терны одинаковые формы обеспечения. За свою деятельность они получали те же судебные пошлины, что и приставы – «хоженое» (за выполнение функций внутри города) и «езд» (в случае поездок по волостям). Их размеры незначительно колебались для разных территорий, но фактически всегда превышали соответствующее обеспечение недельщиков и доводчиков. Так, из уставной жалованной грамоты населению Белозерского уезда (1488 г.) видно то, что «езд в станы и в волости на две версты денга, а в городе хоженного денга... а на правду вдвое»⁴². Уставная жалованная грамота крестьянам Артемоновского стана Маринской трети Переяславского уезда (1506 г.) устанавливала размер хоженного 2 деньги, езда – денга за версту, а «на правду вдвое»⁴³. Судебник 1497 г. посвящает данному вопросу целую статью (44–ю), специально подчеркивая, что необходимо «приставом наместничим по городом имати хоженое и езд по грамоте, а где нет грамоты, и ему хоженое имати в городе по 4 денги, а езд на версту по дензе, а на правду в городе и в волости вдвое»⁴⁴.

Еще одной формой обеспечения праведчика были собираемые населением «кормы». В целях недопущения серьезных злоупотреблений правительство регламентировало в доходных списках и уставных жалованных грамотах их виды и размеры. Оно же получало определенную выгоду от самого существования кормленческой практики: при недостатке денежных средств натуральное обеспечение было одним из немногих способов вознаграждения для служилых людей. Кормленщик поправлял свои «животы», благодаря чему и мог исправно нести дальнейшую ратную службу. В строго определенный срок должностные лица общины собирали «кормы» и доставляли их в уездный или волостной центр. По интересному предположению Л.В. Даниловой, кормленческие поборы «являлись не феодальной рентой, а трансформированным продолжением старинного полюдья»⁴⁵. «Праведчиков побор» не имел четко устоявшегося размера. Однако, как и судебные пошлины, он превышал «кормы» пристава в полтора–два раза. Так, в Антоновском стане Бежецкого Верха праведчик получал «корм» три раза в год: на Рождество «з деревни» по 8 денег, на Пасху и Петров день – по 4 деньги (в то же время доводчику доставалось по 3 деньги на Рождество и по 2 деньги на два других праздника)⁴⁶.

Великокняжеские праведчики имели некоторое отношение и к сбору пошлин. Так, в жалованной грамоте, выданной Василием III

игумену Троице–Сергиева монастыря на село Румянцево в волости Тухачеве Боровского уезда (от 22 июля 1516 г.) прямо указано, что «праведчики наши в том селце и в деревнях пятна не держат и лошадей у них не пятнат, а держит в том селце и в деревнях троетцкой игумен Ияков з братьею монастырское пятно и лошади велит пятнати монастырским пятном»⁴⁷. О том, что служилому человеку вместе с должностью праведчика могло быть пожаловано право сбора определенных видов пошлин, свидетельствует факт передачи правды вместе с правым десятком, вязчим, пятном и всеми доводными пошлинами В.В. и Ф.В. Ртишевым в волости Кочемль Кашинского уезда⁴⁸.

Столь важные функции и немалые размеры «кормов» и судебных пошлин, вне всякого сомнения, делали должность праведчика объектом особых притязаний. Не исключено, что для этого служилые люди подавали специальные челобитные⁴⁹. Во всяком случае, именно так получали должность недельщика. Тому, что пост даже мелкого административного лица рассматривался дворянами и детьми боярскими как важная привилегия, имеется немало доказательств. К примеру, уже упомянутому выше С.А. Волжину в кормленной грамоте подчеркивалось, что великий князь «пожаловал» его «правдою коревскою под Петром Сидоровым сыном Ярцова»⁵⁰. В 1555 г. Пятый Дмитриев сын Лизунов получил в Новгороде «наше (царское. – О.С.) жалование, недели даны ему за Казанскую службу и за Казанской изрон, после взятъя Казанского»⁵¹. При вступлении в должность с будущего праведчика бралось поручительство – процедура, столь характерная и необходимая для лиц государственного аппарата того времени. Хотя до нас дошли только поручные записи по недельщикам, можно предположить, что они мало чем отличались от аналогичных документов, касавшихся праведчиков, обязывая агента власти служить «вправду», никого не обманывать и не чинить волокиту⁵².

Не до конца ясен вопрос о том, какое центральное учреждение осуществляло общее руководство и контроль над праведчиками. Некогда П.А. Садиковым было доказано и обосновано существование в первой половине XVI в. особой категории приказных людей – кормленых дьяков. В их руках сосредоточились все функции, связанные с кормленческим управлением: верстание служилых людей на административные должности, выдача им соответствующих грамот и доходных списков, разбор судебных исков со стороны населения и т.д.⁵³. Остается, однако, неясным, в ведомстве како-

го правительственного органа находились кормленые дьяки. Вопрос этот, безусловно, важный, заслуживает отдельного исследования. Поэтому остается ограничиться здесь лишь общими замечаниями. По предположению Н.Е. Носова, «если распределение кормлений между служилыми людьми согласно “спискам на кормленое верстание” производилось обычно в Разрядном приказе, то само ведание кормлениями – выдача “кормленных грамот” и доходных списков, равно как и сам контроль за наместничьими сборами и пошлинами, а на посадах и в черных волостях вообще за всей их судебно-административной деятельностью» входило в компетенцию Казны⁵⁴. Утверждение исследователя опиралось на довольно слабую и к тому же сомнительную аргументацию. Между тем, тот же П.А. Садиков не решился на столь категорический вывод: «нет никакой научной обязанности связывать этих кормленных дьяков с каким-либо приказом или ведомством определенно – “у кормления” действовали одновременно и “казенные дьяки”, и представители других приказов»⁵⁵. Приблизиться к решению проблемы помогли исследования Б.Н. Флори и А.К. Леонтьева. Первый убедительно доказал, что кормленные дьяки занимались одновременно и разрядными делами⁵⁶. Что касается А.К. Леонтьева, то он выдвинул предположение о том, что все известные нам в первой половине XVI в. разрядные дьяки (до выделения Разряда в самостоятельный приказ) происходили из Дворца⁵⁷. Работа с источниками, в том числе поименный анализ известных дьяков «у кормленей», позволяет с этим полностью согласиться (выводы же В.И. Буганова и А.А. Зимина о том, будто Разрядный приказ зародился в недрах Казны, кажутся необоснованными⁵⁸). Следует отметить, что по крайней мере до середины 1540-х гг. все кормленщики, а, следовательно, и праведчики находились в ведомстве Дворца. Только незадолго до начала земской реформы контроль и руководство над ними стали переходить к другим центральным ведомствам. Это, по-видимому, явилось следствием постепенной утраты Дворцом общегосударственных функций и его замыканием на собственно великокняжеском хозяйстве.

Таким образом, праведчики, роль и значение которых в историографии незаслуженно преуменьшались, являлись важным звеном системы местного управления Русского государства в XV – первой половине XVI в. Входя в аппарат наместника или волостеля, они существенно расширяли его функции и делали менее зависимым от Москвы. Однако более четко проявлялась все же другая тенденция, когда

праведчиков назначали из числа служилых людей. Внедрение их (наряду с недельщиками) в местное управление отражало общую линию правительственной политики по усилению государственной централизации и готовило условия для земской реформы середины XVI в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Носов Н.Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.; Л., 1957. С. 45.

² *Зимин А.А.* Россия на пороге Нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 414.

³ *Зимин А.А.* Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV – первой трети XVI в. // ИЗ. М., 1974. Т. 94. С. 271.

⁴ *Шмидт С.О.* У истоков российского абсолютизма. (Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного). М., 1996. С. 303.

⁵ См., напр.: *Зимин А.А.* Из истории центрального и местного управления в первой половине XVI в. // ИА. 1966. № 3. С. 143; *Флоря Б.Н.* О некоторых источниках по истории местного управления в России XVI в. // АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 92.

⁶ Судебник 1497 г. // Судебники XV–XVI вв. / Под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1952. С. 24.

⁷ *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 30, 43.

⁸ АСЭИ. М., 1964. Т. 3. С. 299.

⁹ *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 256.

¹⁰ *Градовский А.Д.* Собр. соч. СПб., 1899. Т. 2. С. 340.

¹¹ Необходимо отметить, что еще в дореволюционной литературе был распространен взгляд, в соответствии с которым присутствие в суде кормленщика мирских представителей существовало издревле, а XV столетие лишь закрепило это на уровне законодательном (см., напр.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Пг.; Киев, 1915. С. 632; *Загоскин Н.П.* Уставные грамоты XIV–XVI вв., определяющие порядок местного управления. Казань, 1875. Вып. 1. С. 65).

¹² *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 13.

¹³ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М., 1906. Ч. 2. С. 448.

¹⁴ *Веселовский С.Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М., 1947. Т. 1. С. 273; *Ерошкин Н.П.* Указ. соч. С. 30; *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 425; *Колычева Е.И.* Холопство и крепостничество (конец XV–XVI вв.). М., 1971. С. 58; *Черепнин Л.В.* Комментарий // Судебники XV–XVI вв. С. 86; *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856. С. 8.

¹⁵ *Флоря Б.Н.* Кормленые грамоты XV–XVI вв. как исторический источник // АЕ за 1970 г. М., 1971. С. 122.

¹⁶ АФЗХ. М., 1951. Т. 1. С. 203.

¹⁷ ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. С. 41.

¹⁸ Подсчеты составлены на основе новейшего перечня жалованных кормленых грамот (*Антонов А.В.* Из истории великокняжеской канцелярии: кормленые грамоты XV–середины XVI века // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 3. С. 130–141).

¹⁹ Акты служилых землевладельцев XV–начала XVII века. М., 1997. Т. 1. С. 42.

²⁰ ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. С. 362–363.

²¹ *Флоря Б.Н.* Кормленые... С. 123.

²² АСЭИ. Т. 3. С. 21.

²³ АСЭИ. М., 1958. Т. 2. С. 543.

²⁴ ААЭ. Т. 1. С. 17.

²⁵ АСЭИ. М., 1952. Т. 1. С. 460–463.

²⁶ Судебник 1497 г. С. 26.

²⁷ АСЭИ. Т. 3. С. 153. Интересно то, что еще Н.И. Ланге трактовал выражение «а на правду вдвое» как посылку за свидетелями. Впрочем, исследователь отнес эту функцию к обязанностям доводчиков (*Ланге Н.И.* Древнерусское уголовное судопроизводство. СПб., 1884. С. 230). Дополнительные аргументы в пользу того, что основной функцией праведчика являлась доставка послухов в суд, а термин «правда» вплоть до начала XVII в. употреблялся в значении «свидетель», «свидетельские показания», приведены в новейшей работе С.В. Стрельникова (см.: *Стрельников С.В.* К изучению юридической терминологии в средневековой Руси X–XVII вв. («правда», «праведчик» и «недельщик») // Очерки феодальной России. М., 2004. Вып. 8. С. 62–65).

²⁸ АСЭИ. Т. 3. С. 71.

²⁹ *Дьяконов М.* Городовые прикащики // ЖМНП. 1900. № 1. С. 84; *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века. (Наместники и волостели). М., 2000. С. 86, 128; *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 43.

³⁰ Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975. С. 81.

³¹ АСЭИ. Т. 2. С. 412.

³² Судебник 1550 г. // Судебники XV–XVI вв. С. 146.

³³ *Романов Б.А.* Комментарий // Там же. С. 210.

³⁴ Акты служилых землевладельцев XV–начала XVII века. Т. 1. С. 204. Данный пример свидетельствует также о том, что великокняжеские праведчики могли осуществлять функции с помощью своих людей.

³⁵ *Флоря Б.Н.* Кормленые... С. 123.

³⁶ *Стрельников С.В.* Указ. соч. С. 66, 67.

³⁷ Под «правдой» производство следственных действий понимает и

Ю.Г. Алексеев (*Алексеев Ю.Г.* Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 272).

³⁸ Акты служилых землевладельцев XV–начала XVII века. М., 1998. Т. 2. С. 88.

³⁹ ДАИ. Т. 1. С. 121.

⁴⁰ Судебник 1497 г. С. 23.

⁴¹ Не до конца остается ясным, можно ли отождествлять великокняжеских праведчиков с фигурирующими в источниках служилыми людьми, получившими в кормление не конкретную территорию, а «правду». Однако фактом остается то, что они имели одинаковые формы обеспечения, похожий порядок получения должности и существенно ограничивали власть наместников и волостелей.

⁴² АСЭИ. Т. 3. С. 40.

⁴³ ААЭ. Т. 1. С. 116.

⁴⁴ Судебник 1497 г. С. 25–26.

⁴⁵ *Данилова Л.В.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 206.

⁴⁶ АСЭИ. Т. 3. С. 202. Кормленческая практика оставалась неотъемлемым атрибутом всех уровней управления и при первых Романовых (см.: *Енин Г.П.* Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание населением уезда государственного органа власти). СПб., 2002. С. 10, 283). Поэтому вряд ли справедливо традиционное представление о подобном способе обеспечения судебно–административной деятельности должностных лиц как о явлении исключительно регрессивном.

⁴⁷ Акты Русского государства... С. 133.

⁴⁸ Акты служилых землевладельцев XV–начала XVII века. М., 2002. Т. 3. С. 298–299. Вязчее являлось отдельным пожалованием. Поэтому утверждение С.В. Стрельникова о том, будто организация поединка («поля») и взимание за это пошлин входили в круг неперемennых обязанностей праведчика, можно поставить под сомнение (см.: *Стрельников С.В.* Указ. соч. С. 68).

⁴⁹ *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. Казань, 1982. С. 139.

⁵⁰ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 2. С. 88.

⁵¹ ДАИ. Т. 1. С. 121.

⁵² ААЭ. Т. 1. С. 311–312.

⁵³ *Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 223.

⁵⁴ *Носов Н.Е.* Становление сословно–представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 88.

⁵⁵ *Садиков П. А.* Указ. соч. С. 244.

⁵⁶ *Флоря Б.Н.* Кормленные... С. 120.

⁵⁷ *Леонтьев А.К.* Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961. С. 109–110.

⁵⁸ *Буганов В.И.* Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962. С. 110; *Зимин А.А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // ИЗ. 1971. Т. 87. С. 281.